

*Посвящается моим родителям, Сэму и Тони Руссо,
и моему мужу, Там Вин Суню*

Список иллюстраций

- Рис. 0.1. Диалекты китайского языка.
- Рис. 1.1. Издания Библии, по языкам.
- Рис. 1.2. Церковный гимн на нинбоском диалекте с транслитерацией и иероглифами.
- Рис. 1.3. Книга Бытия на фучжоуском диалекте.
- Рис. 1.4. Фонетические символы диалектов китайского языка, Тарлтон Кроуфорд.
- Рис. 1.5а. Модель языкового древа Августа Шлейхера.
- Рис. 1.5б. Деталь модели языкового древа Августа Шлейхера.
- Рис. 2.1. Иллюстрация печального положения ханьцев.
- Рис. 2.2. Диаграмма эволюции китайского языка за 4000 лет.
- Рис. 3.1а. Инициалы 32 диалектов китайского языка из «Исследований современного диалекта У» Юэн Жэнь Чао (Чжао Юаньжэня).
- Рис. 3.1б. Первые пять рядов таблицы инициалей из «Исследований современного диалекта У» Юэн Жэнь Чао (Чжао Юаньжэня).
- Рис. 3.2. Сравнение инициалей чжунсянского диалекта и *гоинь*.
- Рис. 3.3. Сравнение инициалей нанкинского диалекта и *гоинь*.
- Рис. 3.4. Финали в языке *Хакка*.
- Рис. 3.5. Упрощенное изображение мест артикуляции в языке *Хакка*.
- Рис. 4.1. Пример карточки, используемой для упорядочивания произношения иероглифов.
- Рис. 4.2. Диаграмма человеческого рта для преподавания фонологии *путунхуа*.
- Рис. 6.1. Пекинский диалект: «*лэниэнэр*».
- Рис. 6.2. «Я люблю кантонский. Я не говорю на языке “вареной зимней тыквы”».
- Рис. 6.3. Что такое *фанъянь*?
- Рис. 6.4. «Кантонский — мой родной язык»

Благодарности

Одной из главных радостей в процессе работы над этой книгой стало чтение писем, которыми обменивались реальные люди — герои моего повествования. Авторы корреспонденции рассказывали друг другу о выявленных фонологических паттернах, просили ознакомиться с черновиками рукописей, награждали адресатов похвалами, оказывали им поддержку и проявляли к ним участие, спрашивали о здоровье коллег и просили передать самые добрые пожелания членам их семей. Я всегда ясно осознавала и до сих пор полагаю, что эта книга не только плод моего ума, но и результат чуткой помощи, ободрения и поддержки со стороны десятков людей, с которыми мне повезло разделить последние 10 лет моей жизни. Знакомясь с письмами, которыми обменивались китайские лингвисты по всему миру, от Упсалы в Швеции до Куньмина в Китае, я начала ощущать свое участие в великой академической традиции: поиске вдохновения в людях, с которыми мне посчастливилось познакомиться. Я хотела бы отметить всех и каждого человека, кто сделал эту книгу возможной. Начну со следующего списка.

Прежде всего, я в большом долгу перед Томасом Муллани, который сыграл огромную роль в моей академической карьере. Более 10 лет он дарил мне конструктивную критику, постоянное вдохновение и неизменную поддержку. Без его наставлений мой проект был бы совсем другим. Мэттью Сомер научил меня никогда не забывать о том, что история — это в конечном счете судьбы людей. Сюжеты о культурных концепциях, новых идеях и политических структурах теряют всякий смысл, если мы не уделяем должное внимание образованному чиновнику, пылкому

смутьяну или решительной дочери, которые сформировали эти неосязаемые элементы или ощутили на себе их воздействие. На ранних стадиях работы над проектом ему во многом помогли чуткие рекомендации Хайянь Ли, которая открыла мне новые горизонты, и Мияко Иноуэ, благодаря которой мое исследование приобрело широкий охват. Обоснованные критические замечания Карен Вайген помогли мне лучше писать. До начала проекта я имела честь приступить к изучению истории в Колледже имени Роберта Кука при Пенсильванском университете в штате Индиана. В частности, мне хотелось бы отметить вдохновляющее влияние моего учителя Алана Баумлера, который на собственном примере демонстрировал, что такое критическое мышление и любовь к истории.

В Стэнфордском университете мне посчастливилось оказаться в окружении моей собственной *шужэньхуэй* — целой группы замечательных людей, благодаря участию которых в моей исследовательской деятельности она приобрела бóльшую вдумчивость и глубину. Я должна выразить благодарность Уэсли Чейни за наши долгие посиделки за кофе, Александру Статману за бесконечную переписку в Google Chat, посвященную доказательной базе и предмету настоящей книги, а также Ивону Вану за терпение, моральную поддержку и рекомендации, касающиеся отдельных глав книги. Настоящее издание — как и мои академические устремления в принципе — никогда бы не воплотилось в реальности без их дружбы и помощи. Джефффри Вэн, один из основателей (неофициального) клуба последователей Юэн Жэнь Чао, познакомил меня с новыми источниками, новыми направлениями и новыми идеями. На последних этапах работы над рукописью большой вклад в подготовку введения в виде подробных замечаний сделали Рейчел Леов, Саджида Джалалзай и Захари Смит. Фан Сюй помогла мне с переводом написанной на шанхайском диалекте рэп-композиции. Множество исследователей давали мне комментарии и делились своими мыслями по поводу моей книги. Среди них (и это далеко не исчерпывающий список) — Юми Мун, Дзюн Утида, Виктор Мэйр, Эндрю Элмор, Дэвид Федман, Мелисса Иноуэ, Рассел Бёрдж, Джозеф Сили, Сара

Питток, Молли Тейлор-Полесски, Лиза Вилкат, Мадихах Ахтер, У Юйлянь, Филипп Тай и Хирата Кодзи.

Я имела редкую возможность работать над превращением рукописи моей диссертации в книгу, которую вы сейчас держите в своих руках, в кампусе нового пристанища моих дум — Университета Тринити. Кэри Латимор неизменно поддерживал меня в сборе данных и исследовательской деятельности и яростно отвоевывал столь ценное для меня свободное время, чтобы я могла спокойно довести проект до конца. Анене Эдзикэмэ, Кен Лосилле и Дэвид Леш были моими благосклонными и заботливыми соседями, коллегами и друзьями. Отдельное спасибо Маргарет Альварадо за то, что она не отказывала в обработке моих сделанных даже в самую последнюю минуту заявок в библиотечный фонд Университета Тринити в Остине, и Майклу Хьюзу за его отличные советы по иллюстрациям, вопросам авторского права и гонконгским вафлям. И, наконец, особые благодарности моим прекрасным студентам в Тринити. Сознательно или нет, но они постоянно стимулировали меня на доработку и переоценку ключевых выводов, которые составляют настоящую книгу. Я хотела бы индивидуально отметить Натаниэля Пиготта, Алекса Лю и Линуса Чана за полные открытий дискуссии и тщательную работу над систематизацией груды архивных записей. Я также хочу поблагодарить ребят, с которыми в 2016–2018 годах я занималась по программе «Первый год в вузе»¹ и которые были готовы слушать мои пространные рассуждения о том, что такое «китайское» и аутентичное. Эти разговоры, надеюсь, повлияли на образ их мыслей. Они определенно сыграли свою роль в формировании моих собственных убеждений.

Во время пребывания в Китае у меня была замечательная возможность работать с профессорами Ли Айли, Хуан Тяньцзи и Ши Цишэном из Университета имени Сунь Ятсена, а также Хоу Цзинъи из Академии общественных наук КНР, Ли Жулуном из

¹ First-Year Experience Program. Специальная программа по подготовке выпускников средней школы к началу обучения в вузах. Подобные мероприятия проводятся по многих американских вузах. — *Прим. пер.*

Сямэньского университета, Сюй Баохуа из Университета *Фудань* и Ли Синцзе из Университета Циндао. Я не забуду огромную помощь Го Хун в поиске источников, что сэкономило мне месяцы работы с архивами. Я благодарна Сюй Тин за теплый прием в Шанхае, а Ян Юнъянь — за приятную беседу в Гуанчжоу. Волею случая я познакомилась в читальном зале шанхайских архивов с Эми О'Кифф и Кристофером Таном. Перспектива радостной встречи с ними за ланчем позволяла мне покинуть мое местопребывание в те дни, когда я чувствовала себя перегруженной и уставшей. Отдельное спасибо Стефани Тан, которая не только подкинула мне идею о включении в мой нарратив Лю Баньуну, но и была отличной соседкой по квартире и партнером по плаванью на каяке.

Мне была оказана честь представить отдельные фрагменты моей работы на ряде конференций и семинаров, на которых присутствовали мои выдающиеся коллеги. Каждый из них помог мне отточить аргументы и тщательнее вчитаться в первоисточники. Особой благодарности в этом контексте заслуживают Роберт Калп, Фарина Мир, Цзе Чжан и Фати Фань. Они были участниками вдохновляющего воркшопа по анализу рукописей, благодаря которому потенциал этой книги раскрылся в полной мере. На ежегодной встрече Ассоциации азиатских исследований в 2015 году я также была рада возможности участвовать в панельной дискуссии вместе с Флорой Шао, Цзинь Лю, Джанет Чэнь и Цзин Тцу. Я была признательна за возможность продолжить эту дискуссию в следующем году, на ежегодной встрече Американской ассоциации сравнительного литературоведения, где к нам присоединились Мартен Сёдерблум Саарела, Ван Минхуэй, Чжан Хань, Мия Се и Мишель Пань. Джеф Вассерстрём, Мелисса Дейл, Джейсон Джонсон, Коллин Гай и Уин Хсинь Е заслуживают отдельных благодарностей за содержательные комментарии и предоставленные мне возможности поделиться результатами моей исследовательской деятельности. Вэнь Хсинь Е выступила с предложениями по конкретизации моих мыслей о языковой политике Китая в 1950-е годы. Питер Ханфф любезно помог мне с доступом к касающимся Юэн Жэнь Чао материалам в Библио-

теке имени Банкрофта при Калифорнийском университете в Беркли.

Финансовую поддержку настоящему проекту оказали Стэнфордский университет и Университет Тринити. Благодаря нескольким грантам в рамках программы финансирования исследований в области иностранных языков и щедрой помощи Фонда Блейкморов я смогла стать слушателем языковых курсов на Тайване и Хоккайдо. Мои исследования на местах были поддержаны в рамках программы Фулбрайта при Институте международного образования Fulbright IIE и гранту Фулбрайта и Хейса по программе подготовки докторских диссертаций за рубежом. Моя писательская деятельность обеспечивалась стипендиями по диссертационной программе Фонда имени Меллона и стипендии Уэтер. Я также благодарна двум анонимным рецензентам за тщательные, четкие комментарии, а также Дженни Гавкас за помощь с оформлением моих мыслей и стилистической доработкой текста до совершенства. Люси Ример — непревзойденный редактор. Во многом благодаря ее неустанной работе эта книга увидела свет.

Конечно же, оказанная мне помощь не ограничивается реакцией на отдельные главы и профессиональными дискуссиями. Этот проект вообще не сдвинулся бы с места, если бы не поддержка друзей со всей страны. Эрика Гуденоф, Сара Куикен, Юэн Юэн Нг, Рамиа Мишра, Сакура Кристмас и Джошуа Бретт — лишь часть людей, которые вдохновляли меня и своим примером напоминали мне о том, как важна дружба. Каролина Мактир — идеальная подруга по перу, которая всегда была готова поделиться со мной чашечкой кофе и улыбкой. Отдельные благодарности Шане Макдермот, Джессике Ноулин, Лидии Книр, Лорен Турек, Эрин Крамер и Саре Эриксон за неизменную готовность поехать с патриархатом во время посиделок в кафе, занятий йогой, пеших походов, прыжков на батуте, маникюра, поедания тайской еды, визитов в спа и бранчей. Я благодарю Сэма Миллера, Джозефа Книра и Джонатана Маклиннана за отличную еду, музыку и беседы. Я обязана упомянуть и мою неутомимую команду охотников за покемонами, которые играли в Pokémon Go на се-

веро-западе Сан-Антонио. Наше приятное времяпровождение прекрасно скрашивало два года долгих дней непрерывной писательской работы. Значительная часть этой книги была написана в кафетерии больницы Cottage в Санта-Барбаре и в кофейне «Старбакс» торгового центра Huebner Oaks. Огромное спасибо всем сотрудникам этих заведений за ежедневные искренние улыбки и добрые слова. На протяжении всей моей карьеры постоянную поддержку мне оказывает моя большая, шумная, любящая семья. Моя замечательная тетя Вельма Уильямс, у которой к 99 годам накопилась не одна тысяча сюжетов, поощряла мою любовь к истории и всегда была готова предоставить мне кров у себя в Окланде. Моя младшая сестра Камиль постоянно напоминает мне о важности поддержания семейных связей. Моя бабушка изливала на меня свое тепло и привила мне умение видеть духовную ценность приготовленного с особой тщательностью обеда. Мой дедушка с детства приучал меня размышлять о языке творчески и с применением фантазии. Мой отец научил меня ценить усердный труд и настойчивость. Моя мать — настоящая женщина-героиня, мой идеал силы и сострадания.

И, конечно же, я безмерно благодарна моему мужу, Там Вин Суню. Можно ли в нескольких словах выразить признательность человеку, с которым тебя объединяет бесчисленное множество приятных мелочей, делающих твою работу не только возможной, но и наполненной смыслом? Спасибо за ежедневные обмены смайликами и карамельные макиато (двойной эспрессо с обезжиренным молоком, порцией ванильного сиропа и побольше карамельного соуса сверху), спасибо за то, что мудрыми советами помогаешь мне быть лучшей версией меня самой, спасибо за то, что вселяешь в меня уверенность, когда мне ее не хватает, спасибо за то, что напоминаешь мне каждый день, почему я люблю мою работу. За все это и многое другое я посвящаю эту книгу дуэту Там!

Примечание о транслитерации и иероглифах

При транслитерации китайских источников в настоящей книге за основу берется *ханьюй пиньинь*, за исключением обозначений лиц и политических движений, для которых чаще используют иные средства транслитерации. В пределах моих возможностей я применяю те иероглифы, которые используются в моих источниках: упрощенные, если в источнике используются упрощенные иероглифы, и традиционные при употреблении традиционных иероглифов.

Примечание о транслитерации от переводчика русского издания

В русскоязычных изданиях наиболее распространена запись китайских имен и обозначений по системе Палладия, в которой транскрипция привязана к конкретным иероглифам и их прочтению на *пиньинь*. Часто это может приводить к значительным разночтениям, вызванным различными подходами к записи китайских имен и обозначений. Классический пример — фамилия автора книги: **Tam** на английском, **Tan** на *пиньине* и, в идеале, **Тань** на русском.

Мой подход в качестве китаиста — унификация всех имен по *пиньинь* и транскрипции по системе Палладия. Однако данная книга отлично демонстрирует один простой факт: китайцы по-разному воспринимают свой язык и, в частности, склонны по-разному записывать даже свои имена на латинице. И, объективно, тому всегда есть свои причины. Так, лингвист Чжао Юаньжэнь (Zhao Yuanren) прожил в Калифорнии 40 лет и чаще всего публиковался при жизни под «английским» именем Юэн Жэнь Чао (Yuen Ren Chao). Унификация имен в соответствии с *пиньинь* противоречила бы цели автора: показать многоаспектность того, что мы подразумеваем под «китайским языком».

С учетом тематики книги, из уважения к соответствующим лицам и по согласованию с автором я принимаю за основу следующее стилистическое решение: во всех случаях следую тем вариантам записи имен, которые указаны автором. В отдельных местах однократно указываю дополнительно в скобках для референса «стандартную» транслитерацию с *пиньинь*.

Введение

Сколь глубоко наши представления о собственном языке связаны с нашими чувствами к собственной стране...

Мидзумура Минаэ. Упадок языка в эпоху английского

Какой язык является символом китайского народа? Этот вопрос, казалось бы, имеет очевидный ответ: тот язык, который известен на Западе как «мандарин». *Путунхуа* (普通话) — или буквально «общепринятая речь» — является официальным языком Китайской Народной Республики (КНР). Именно *путунхуа* учат дети в школах страны. На этом языке транслируют передачи китайские телевидение и радио. Этот язык используется в объявлениях, звучащих в торговых центрах и на станциях метро. Также это главный китайский язык для жителей других стран. Миллионы людей по всему миру сейчас изучают именно этот «китайский» язык. Переводчики ООН, трансформирующие высказывания на русском или арабском в «китайский», оглашают текст именно четырьмя тонами *путунхуа*.

Однако в обычной жизни внутри Китая исключительно на *путунхуа* разговаривает поразительно небольшое число людей. Почти 80 % граждан КНР с детства говорят на одном из нескольких *фанъянь* (диалекты, 方言) — местных китайских языках, которые зачастую взаимно не согласуются в устной речи с *путунхуа*¹. Среди наиболее известных *фанъянь* — кантонский²,

¹ Цифру в 80 % мне сообщил в интервью 2014 года редактор журнала Академии общественных наук КНР «Китайский язык» («*Чжунго юйвэнь*») Хоу Цзинъи. Цитата также приводится у [Roberts 2014]. — *Прим. авт.*

² Обозначение «кантонский» восходит к историческому названию Кантон, которым обозначали город Гуанчжоу европейцы. То есть, буквально, это «язык, на котором говорят в Гуанчжоу». — *Прим. пер.*

шанхайский и сычуаньский диалекты. При этом существуют еще десятки *фанъянь*. Миллионы китайцев, живущих на участке суши от Циндао до Куньмина, дома, на улице и при встрече с друзьями говорят в первую очередь на *фанъянь*. Для них *путунхуа* не является тем языком, на котором они будут обмениваться анекдотами с соседями. Не на *путунхуа* они здороваются с родителями или просят бабушек приготовить их коронные блюда. Чаще всего это не тот язык, на котором они выражают свое недовольство или переходят на грязные ругательства.

Таким образом, с самого начала мы сталкиваемся с противоречием. Общеизвестно, что язык, на котором мы изъясняемся, формирует нас как личностей. Равным образом, национальный язык формирует национальную идентичность. Но как мы сможем идентифицировать нацию, когда бóльшая часть ее представителей регулярно предпочитают не изъясняться на национальном языке? Как формируется национальная идентичность Китая, если *фанъянь* — диалекты, которые никоим образом *не* считаются национальным языком, — выступают основным средством общения в повседневной жизни? И, если уж большинство людей постоянно общаются на *фанъянь*, то как мы должны интерпретировать или, точнее, реинтерпретировать роль *путунхуа* в формировании и сохранении китайской нации? Эти вопросы стали отправной точкой в написании этой книги. И я полагаю, что ответы на них мы найдем в истории государственного строительства и формирования национальной идентичности Китая, основу которых составляют именно *фанъянь*.

Исследование китайской национальной идентичности с позиций *фанъянь* будто бы требует от нас разрешения многочисленных противоречий, ведь *фанъянь*, скорее, ассоциируется с местным, а не с общенациональным контекстом³. Само слово буквально переводится как «местные языки», и эти диалекты столь часто

³ Хотя эта позиция еще не столь распространена, несколько ученых придерживаются мнения, что существует не один, а множество китайских языков. См. [Mair 2013: 735–754; Yan 2006: 2; DeFrancis 1984: 39; Ng, Zhao 2015: 357–371; Roche 2019; Moser 2016]. — Прим. авт.

привязывают к конкретным провинциям, городам или регионам: сычуаньский *фанъянь*, шанхайский *фанъянь*, паньюйский⁴ *фанъянь* и так далее. Более того, *фанъянь* вообще редко воспринимаются в качестве языков. Чаще всего этот термин переводится с китайского как «диалект», а с этим обозначением возникают и коннотации подчиненности. *Фанъянь* предстают перед нами как вариации на тему другого языка. «Диалект» звучит аморфно до тех пор, пока мы не поймем, на основе какого языка он существует. В Китае подобная подразумеваемая подчиненность является ядром действующей национальной языковой политики, где *путунхуа* объявляется «общим языком» китайского народа, а *фанъянь* оказываются его «вариантами», которым суждено оставаться лишь на его орбите⁵.

Лингвистические структуры — не единственная сфера, где существует презумпция подчиненности *фанъянь*. Выбор *путунхуа* как национального «стандарта», а *фанъянь* как «вариантов» указывает на то, что, в отличие от какого-либо *фанъянь*, *путунхуа* может выступать в качестве всеобщего символа национальной идентичности и гражданственности. Мы с легкостью обнаруживаем риторику, которая придает *путунхуа* эту непомерную значимость. Опытные лингвисты восхваляют *путунхуа* в качестве «общего языка китайского народа *Хань*», в отсутствие которого общество не было бы способно обеспечивать собственное «сохранение, развитие и прогресс» [Tang 1995]. Детское периодическое издание из провинции Фуцзянь провело конкурс, в ходе которого ученикам начальных школ было предложено создать рекламу для «популяризации *путунхуа*». «Говорите на *путунхуа*! Это язык нашего народа!» — пишут дети [Chuzhongsheng 2012: 66]. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе на западе страны большая часть населения не говорит ни на *путунхуа*, ни на одном из *фанъянь* китайского языка. В посвященных этническим уйгу-

⁴ По наименованию уезда в провинции Гуандун. — Прим. пер.

⁵ Цит. по: [Gao, Shi 1963: 229]. Однако такие замечания все еще встречаются в общепотребимых учебниках китайского языка [Li, Xiang 2013; Chen 2012: 1–4]. — Прим. авт.

рам статьях рьяные журналисты уверенно пишут, что «мы китайцы, поэтому мы должны говорить на *путунхуа*» [Huanqiu 2018; Zhongguo xinwen 2018]. По сути, не имеет значения, насколько искренни эти слова. Как на государственном, так и на общественном уровне дискурс исходит из того, что *путунхуа* — единственный репрезентативный показатель китайской национальной идентичности, а *фанъянь* — лишь местные вариации китайского языка, несоизмеримые с этой великой миссией.

При этом такая вездесущая риторика о *путунхуа* как репрезентативном языке китайской нации противоречит тому, насколько часто и актуально *фанъянь* выступают как символы и сигнификаторы национальной идентичности, а не только местечковых амбиций или регионализма⁶. Говорящие на кантонском и фуцзяньском постоянно называют свои *фанъянь* «старейшим» китайским языком, увязывая свою речь скорее с воображаемой древней историей Поднебесной, чем с *путунхуа*. Рэперы из сычуаньского города Чэнду, изрыгающие в своих диссах потоки шовинистических оскорблений в отношении иностранцев за исторические преступления против Китая, заявляют, что лишь их шероховатый *фанъянь* может передать эмоциональный накал их патриотического запала [Schmidt 2018]⁷. Уроженцы Шанхая настаивают на том, что воспоминания об экономической трансформации Китая в 1980-е годы, сопровождавшейся уничтожением во имя прогресса узеньких улочек с общественными столовыми, могут быть адекватно отражены исключительно в звукоряде и синтаксисе их *фанъянь* [Fang 2020: 20]. Все эти разнообразие языки свидетельствуют об определенной национальной принадлежности, при этом парадигма о предполагаемой однородности вступает в противоречие с живой реальностью. С точки зрения

⁶ Существует ряд исследований по поводу ограниченности «мандаринизации» как внутри, так и за пределами Китая. См. [Wong, Tan 2017: 18–50; Bokhorst-Heng 1999].— *Прим. авт.*

⁷ Fat Shady, один из наиболее известных сычуаньских рэперов, часто заявляет подобное в интервью иностранным СМИ. В песне «Достоинство Сычуань» (Sichuan Pride) он ясно дал понять своим поклонникам, что он чувствует [Chengdu 2015].— *Прим. авт.*

лингвистики кантонский, шанхайский и *путунхуа* отличаются друг от друга не меньше, чем французский, испанский и португальский, и, соответственно, в равной мере могут обозначать единичную категорию идентичности.

Возвращаясь к вопросу о том, какой язык является символом китайской нации, мы видим два возможных ответа: громко провозглашаемые заявления о гомогенной китайской идентичности, которая отражена в едином языке, и более будничное и тонкое объяснение, согласно которому гетерогенные выражения национальной идентичности обозначаются сонмом так называемых «нестандартных» вариантов. Эти сюжеты на темы китайской национальной принадлежности, а равно ключевой роли, которую в них играют *фанъянь*, и составляют основной предмет настоящей книги. Я привожу аргументы в обоснование тезиса о том, что в период с конца правления династии Цин (1644–1911) вплоть до времен «культурной революции» (1966–1976) *фанъянь* выступали основой китайского национализма и национальной идентичности. Я прослежу историю этих двух отличных друг от друга, но взаимосвязанных нарративов. Первый из них возник на фоне заявлений лингвистов, реформаторов и педагогов конца империи Цин, утверждавших, что *фанъянь* не являются независимыми языками, но лишь ответвлениями в рамках общей китайской языковой традиции. Такие деятели воспринимали *фанъянь* как препятствие на пути к формированию гомогенной идентичности или проблему, которая требовала решения. Второй нарратив поддерживался силами существовавших в то же время групп оппонентов, которые превозносили *фанъянь* за особые исторические и эмоциональные связи с нацией как таковой, чем «общий язык» похвастаться не мог. Упомянутые группы противопоставляли чувственности и естественности *фанъянь* жесткость и искусственность официальной речи, а богатой истории местных языков — сфабрикованную механистичность современного общенационального языкового стандарта.

Эти два нарратива по-разному раскрывают историю формирования китайского национализма как единого целого. В первом

случае перед нами предстает сюжет о том, как тренд гомогенизации поглотил и дискредитировал идущие вразрез с общепринятыми представлениями воззрения на китайскую нацию. Во втором случае мы видим рассказ о настойчивом продвижении снизу вверх национальной культуры как гибкой и гетерогенной материи. Однако в действительности мы наблюдаем за тем, как, взятые вместе, эти два нарратива формируют и направляют друг друга, а равно и коллективную идентичность населения Поднебесной. Соответственно, я предлагаю рассматривать их не просто как существующие параллельно, а как взаимно обуславливающие друг друга. Если кратко, то я вижу между этими двумя тенденциями диалектические отношения: несмотря на то, что оба представленных нарратива трактуют роль *фаньянь* по отношению к нации и ее официальному языку различным образом, сами по себе споры о языке и история их периодического разрешения, которое в конечном счете выливалось в новые дискурсы, — вот что, собственно, составляет идеологию национализма Китая. Я подчеркиваю диалектический характер подобных споров в рамках предположения, что и нация, и идеология, которая ей приписывается, никогда не были статичными конструкциями. Их смысл менялся с течением времени. Кроме того, такой подход позволяет нам заглянуть далеко за пределы поверхностной борьбы, ведь диалектизм предполагает, что из противостояния противоположностей рождается нечто новое. Споры могут генерировать полезные результаты.

Таким образом, я предлагаю радикально пересмотреть понятие нации и условия ее формирования. Ученые издавна отмечали, что существует множество точек зрения по поводу того, чем является нация и как она может развиваться. Однако, сосредоточив внимание на диалектическом процессе, проявляющемся в продолжении дебатов, а не в их результатах, в качестве центрального элемента национального нарратива Китая я обозначаю именно эти разнообразные голоса, а также раскрываю механизмы, посредством которых презумпция гомогенности изначально стала предполагаемым образующим фактором для нации в целом. Обе стороны рассматриваемого дискурса о языке и нации неиз-

менно настаивали на том, что язык — не имеет значения, стандартизированный или нет, — является существенной частью национальной идентичности китайцев. Сам факт сосуществования двух столь отличных друг от друга тенденций демонстрирует нам, что китайский национализм никогда не требовал лингвистического конформизма и не нуждался в нем, более того, лишь сильнее процветал в условиях противостояния гомогенизации. Соответственно, история развития *фанъянь* дает нам возможность полностью пересмотреть все причинно-следственные связи. Нам следует задаваться вопросом не о том, как стандартизация сформировала нацию, а о том, как национализм повлиял на дискуссии о стандартизации. Не сама стандартизация, а поиск аргументов как в пользу, так и против ее гомогенного воздействия лежит в основе представлений о том, что означает быть китайцем в современном мире.

Язык и национализм

Мысль о том, что стандартизированные языки формируют чувство национальной принадлежности, уже давно зафиксирована в летописях об истории Китая. Более 70 лет назад в своей книге «Национализм и языковая реформа в Китае» Джон Де-Франсис рассказывал о том, как в конце династии Цин ученые, чиновники и революционеры, находившиеся под впечатлением от множественности моделей языковых реформ, представленных на международной сцене, создали национальный язык как раз для выработки в Поднебесной духа гражданственности [DeFrancis 1950]. С тех пор исследования о формировании и распространении китайского национального языка получили большое распространение, и мало кто из авторов новых работ ставил под сомнение базовый посыл: язык был создан для формирования китайской гражданственности и, предположительно, успешно справился с этой целью. Впрочем, параллельные нарративы, связывающие национальные языки с формированием наций, разворачиваются во всех уголках мира. Следуя модели Хобсбаума, где унифицированный язык обозначается как «решающий...

фактор национальной принадлежности» [Hobsbawm 1990: 102], истории стандартизации всевозможных языков, от французского до тамильского и от итальянского до японского, издавна руководствуются логикой, согласно которой государства унифицируют языки, чтобы, по выражению Ойгена Вебера, превратить «крестьян» в граждан [Weber 1976]⁸.

Такие нарративы поддерживаются не только историками, исследующими соответствующие явления задним числом. Непосредственные инициаторы реформ национальных языков воспринимали свои творения как инструменты создания единой гражданственности. Со времени самых первых грез о сплоченной китайской нации всегда существовала громогласная группа активистов, усердно отстаивавшая идею о необходимости наличия у такой нации общего языка. 1895 год оказался поворотным моментом: унижающее поражение от Японии привело элиты поздней Цин к мысли, что их империя удручающим образом не готова столкнуться с современным миром и его угрозами. Эти привилегированные классы полагали, что их полиэтническая и многоязычная империя не обладала многими ключевыми признаками современной государственности и что унификация национальной идентичности в самом буквальном смысле спасет китайский народ от истребления [Zarrow 2012: 5]. Однако мало кто представлял себе, что нужно было делать с этой идеей. Одни искали единство в воображаемом общем прошлом, что усиливало образ когда-то мощного Древнего Китая и одновременно отдаляло народ от инородной «некитайской» маньчжурской династии Цин [Hon 2013; Murthy 2011]. Другие полагали, что единство

⁸ После издания значительного труда Вебера были проведены десятки схожих исследований, в особенности в регионах с высоким уровнем языкового разнообразия при сильном государственном контроле над языками. Большой список таких вдохновленных работой Вебера исследований представлен в сносках у [Maxwell 2009: 1–3]. Другие примеры подобного нарратива языковой стандартизации можно найти в [Gottlieb 2011; Žmegač 2004: 35–46; Stergios 2006: 15–33]. Несколько исследований по истории Южной Азии ставят подобные нарративы под сомнение. См. [Ramaswamy 1997; Datla 2013; Mir 2010]. — *Прим. авт.*

можно культивировать в народе империи посредством образования и вовлечения в государственные дела. Впрочем, где бы ни искали люди единства — в настоящем или прошлом, все это все равно оставалось лишь амбициозными мечтаниями. Элиты конца династии Цин были едины в том, что было необходимо создать китайскую нацию и соответствующий китайский язык. При этом мало кто считал, что эти нация и язык в тот момент уже существовали [Duara 1995: 95; Fitzgerald 1996: 57]⁹.

Дурман амбиций построения единой китайской нации привел к легкой, если не сказать коварной, амнезии в рядах следующего поколения реформаторов. Непрерывность истории Поднебесной стала восприниматься как норма. Она более не была требующим критического анализа вымышленным нарративом, а просто являлась неким общепризнанным фактом. Подобными фантазиями на тему китайской истории пропитаны все современные описания страны. В самом Китае популярная культура и правительственная риторика выставляют вневременное единство в качестве ключевого атрибута национализма. Это прослеживается в непрекращающихся заявлениях о том, что Поднебесная — страна с «непрерывной историей в 5000 лет», и в таких фильмах, как «Битва у Красной скалы», где изображается, как военачальники III века

⁹ Уходя в прямо противоположном направлении от концепта Эрнеста Геллнера о «нациях без государства» или о сообществах людей, которые воспринимают себя как нации в отсутствие представляющего их государства, Джон Фицджеральд называет Китай «страной без нации», где государство «действует, исходя из презумпции, что нация, которую оно представляет, является автономным субъектом, который гипотетически существует в формах, избранных государством для ее представления, но при этом существует *независимо от государства*» (авторское выделение). В начале XX века китайское государство провозглашало, что работает во имя нации, которая была не просто вымышленной, а созданной самим государством. Фицджеральд отмечает очевидную бифуркацию между государственным нарративом о гомогенной нации и иными нарративами о государственности, которые предшествовали подобным заявлениям или возникли вне их: гомогенная нация не просто вымышленная и сфабрикованная конструкция; эта конструкция практически не существует в отсутствие самого государства. — *Прим. авт.*

борются «за нацию»¹⁰. Подобные обобщения популяризуют ученые как внутри, так и за пределами Китая. Представители академических кругов в сравнительных исследованиях глобального национализма систематически рассматривают Китай, по аналогии с Францией или Англией, как «историческую нацию», возникшую из отчасти вымышленного, отчасти реального прошлого единства [Hobsbawm 1990: 66; MacLaughlin 2001]¹¹. Ученые, журналисты, деятели культуры и художники живописуют Китай как долговечное образование вне зависимости от того, отражалось ли или отражается презюмируемое единство в реальной жизни людей.

Однако в последние годы появилось несколько работ, в которых ставится под сомнение тезис о том, что процесс формирования китайской нации завершился созданием гомогенного Китая. Такие исследования демонстрируют, что организованные властями в начале XX века кампании по «искоренению народных предрассудков» практически не убедили местное население отказать от своих религиозных ритуалов [Nedostup 2009; Greene 2019]. Ученые пишут об анархистских коммунистических движениях, которые рисовали себе Китай в отсутствие или при минимальном влиянии центрального правительства, — современников автократической Коммунистической партии Китая в период после Движения 4 мая 1919 года¹² [Duara 1995: 95–105; Dirlik 1993: 63–75]. В этой книге я как раз буду освещать движения, представляющие местные языки в качестве маркеров идеализированного национального прошлого и настоящего.

¹⁰ Хороший пример представлен в [Economist 2016]. — *Прим. авт.*

¹¹ Так, известный историк Джозеф Левенсон описывает переход от империи Цин к китайской нации как переход от «культурализма» к «национализму», таким образом фактически осторожно подтверждая существование с древних времен единой китайской культурности. См. [Levenson 1968]. — *Прим. авт.*

¹² Антиимпериалистическое движение в Китае, возникшее как реакция на несправедливые, по мнению китайцев, результаты Парижской мирной конференции. Одним из результатов этого движения стало распространение в стране марксистской идеологии. — *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru